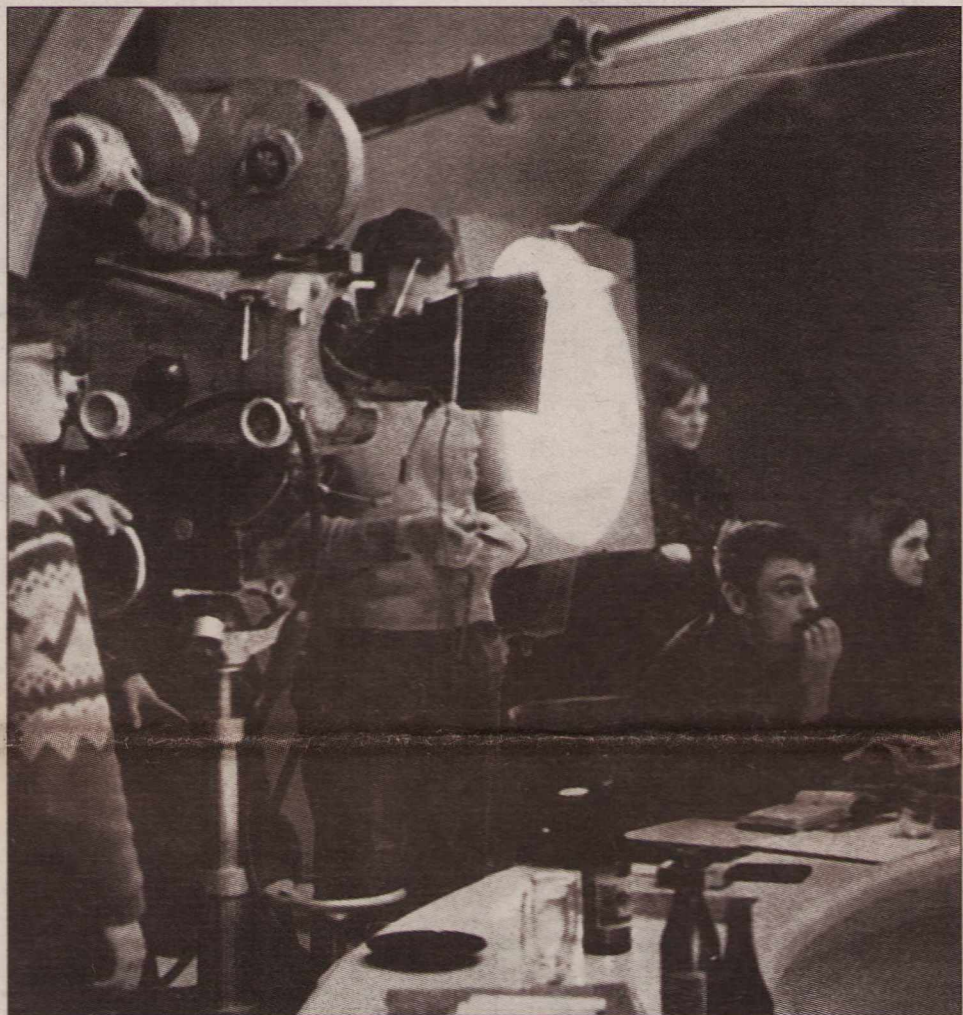

Шедевр 2-й категории

История создания фильма «Зеркало»

Продолжение.
Начало см. № 9-10, 11-12, 13-14, 15-16

Еще в преддверии дегустации «Зеркала» ценителями прекрасного из Малого Гнездиковского на «Мосфильме» порешили, что картину надо хотя бы для приличия слегка причесать по советски. Тарковский представил надлежащий документ.

ПЛАН ПОПРАВОК по КИНОКАРТИНЕ «ЗЕРКАЛО»

1. Будут введены надписи, уточняющие строение сюжета и личности героев (кто мать, кто Наталья).
2. С целью прояснения смысла картины будет частично изменен и в связи с этим переозвучен авторский текст.
3. Будут произведены монтажные сокращения следующих эпизодов:
А) тизорграфия;
Б) I и II сны;
В) разговор автора с матерью по телефону;
Г) чтение письма Пушкина к Чаадаеву;
Д) приезд отца;
Е) сержант;
Ж) военная хроника;
З) военрук.

Для проведения этих работ необходимы 3 смены речевого озвучивания и 3 смены перезаписи.

Сдача картины на 2-х пленках будет проведена в срок (24 мая с.г.).
Режиссер-постановщик А.ТАРКОВСКИЙ
Директор картины Э.ВАЙСБЕРГ

17 июня 1974 года А.Тарковский и Э.Вайсберг рапортовали начальству, что все рекомендованные поправки выполнены и запросили разрешение на монтаж негатива. Значит, полный вперед? Ох, если бы...

12 июля 1974 года состоялось обсуждение подправленного варианта фильма в генеральной дирекции «Мосфильма» с участием представителей Госкино. Первым слово взял директор студии Николай Сизов. По всей вероятности к тому времени в небесной канцелярии стряслось нечто такое, что Николаю Трофимовичу, человеку принципиальному, выдержанному, конъюнктурно-несуетливому, пришлось радикально переменить свое отношение к фильму. От бывшего благосклонности, которое он не скрывал на предыдущем обсуждении картины, не осталось ни малейшего следа. Возможно, ситуация с «Зеркалом» так резко обострилась потому, что Тарковский показал черные смонтированную картину отборщику Каннского кинофестиваля, а тот, сразу же принялся хлопотать, чтобы заполнить ее в конкурс. Эта инициатива вряд ли могла прийти по душе комитетскому начальству. Но, скорее всего, главная причина обострения ситуации с «Зеркалом» в другом. Об этом есть краткая, но красочная запись в режиссерском дневнике: «13 апреля. (...) Был скандал, когда мы показали материал Ермашу, поскольку он вообще ничего не понял».

По-видимому, главным итогом скандала стало то, что от разгневанного госкинского руководства более всего досталось не столько самому Тарковскому, сколько директору «Мосфильма». И потому на обсуждении он был необычайно суров.

ОБСУЖДЕНИЕ кинокартины «Зеркало» в Генеральной дирекции с участием Комитета 12 июля 1974 года

СИЗОВ Н.Т. В сущности, замечания, сформулированные киностудией и объединением в заключении (от 24.5), не осуществлены в этом варианте. Взять, к примеру, вашу трактовку будущего фильма, изложенную в сценарии, в отношении победоносного окончания войны. В данном варианте нет ясности в отношении основной темы (победа армии, народа).

Сцена с военруком как была дегенеративной, так и осталась.

Сцена с висящей женщиной как была, так и осталась. Ни к чему в советском фильме такие евангелистические тенденции. Переключка от убийства петуха к вознесению ее в воздух — как это еще можно оправдать?

Вы составили новую хронiku, но сейчас здесь все перемешалось — Сиваш, атомная война, полуголые солдаты. Надо хотя бы их разбить.

Прояснилась немного ситуация вначале с матерью и героиней, но потом опять все смешалось. У меня ощущение, что, в сущности, все замечания не реализованы, все осталось, по существу, по-прежнему. До срока сдачи (28 июля) надо сделать еще попытку редактирования и перемонтажа картины. Картина в том же состоянии, надо решать, что с ней делать.

Есть ли у Главной редакции свои замечания?
НЕХОРОШЕВ Л.Н. Мне кинокартина сейчас кажется затянута. Очень затянута, многот-

мен второй разговор автора с Натальей. Надо найти более благополучный монтаж с хроникой.

ПАВЛЕНКО Б.В. Вопрос: что монтировать и как? Идет стопроцентный пацифистический монтаж, о чем уже говорили и писали. Надо вести разговор по существу.

НЕХОРОШЕВ Л.Н. Если по существу, то, как сложились уже картина, дать другой монтаж невозможно. Это надо или принимать в основе, или отвергать.

ПАВЛЕНКО Б.В. Никогда это в основе не отвергалось. Но уже говорили, что надо исправить. Непонятная символика, непонятные вещи — это говорилось уже не один раз.

Речь идет о том, можно ли вытаскивать кинофильм на экран в таком виде? Нельзя. Автор не хочет идти нам навстречу, а фильм по-прежнему понятен только ему. Есть только видимость того, что замечания учтены, а все осталось по-прежнему; и типография, и военрук, и весь военный эпизод (читай, как хочешь, и атомную бомбу и др.), осталась и висящая женщина, и петух.

Поначалу ясно, где сон, где явь, где воспоминания, даже отбоявшись цветом, а во второй половине все смешивается, где мать, где жена — не поймешь.

ХУЦИЕВ М.М. Я должен отвести обвинение от Тарковского, что ничего с картиной не делается и что он упрямится. Накануне мы смотрели совершенно другой вариант и поддержали это направление. Другое дело, что это в принципе можно не принимать.

Сейчас сцена с военруком не вызывает, по нашему, таких возражений, как раньше. То же о хронике. Можно спорить о завершенности этого эпизода, но сам локальный марш через Сиваш, когда стоял один, то вызывал претензии, но сейчас, с новой хроникой — совсем другое дело. Замысел, по крайней мере, был тот, что советский народ на своих плечах вынес огромную тяжесть и продолжал нести новые кризисы. Берлин и победа невозможны без подвига каждогодного, солдатского. Я никак не воспринимаю его пацифистским. Может быть, здесь еще эпизод не до конца раскрыт.

Что касается женщины, то в предшествующем варианте она не складывалась, но сейчас, на мой взгляд, в этом ключе она сложилась. Нашла свое место. Она может по вкусу не нравиться, но евангелистских ассоциаций у меня не возникает. Единственный смысл этой сцены для меня — многозначность женщины, приподнятой над кроватью.

Нам казалось, что картина в монтаже сделала большой шаг вперед. Андрей Арсеньевич очень много работал, сделал все, о чем говорили, кроме женщины. Мы решили вывести ее на обсуждение. Раньше я был резко против нее, сейчас она, по-моему, на месте.

КРЕМНЕВ Б.Г. Если быть справедливыми, то я должен сказать со всей откровенностью, что работа проведена очень большая, добросовестная, очень мучительная. Все по многу раз переделывалось. К чести Андрея Тарковского, он отнесся к замечаниям очень внимательно. Очень много стало ясно, выстроилось. Например, в художественном и тематическом отношении стали абсолютно ясны испанцы. Введен новый эпизод со стратостатом, он стоит на месте, верно подчеркивает дух эпохи, времени.

К эпизоду типографии не было предъявлено никаких серьезных требований, но она сильно сокращена. У меня сцена типографии не вызывает никаких возражений, здесь нет никакого криминала.

Сцена с военруком. Мне с самого начала не нравилась эта сцена, в том смысле, как изображает человек, прошедший войну. Но эта сцена снята точно по сценарию, хотя по тексту у меня лично есть много замечаний. Качественно в этом эпизоде сделано очень много. Сейчас ясно, чисто показан подвиг этого человека. Другое дело, что я не принимаю самого человека, но эпизод сложился в минимально приемлемом плане. Ушли те реплики, которые мы требовали убрать. Главная мысль ясна.

ПАВЛЕНКО Б.В. В том-то и дело, что мысль ясна, но принять ее нельзя. Вы что, считаете, что картину можно принять? Мы считаем, что картина не готова.

КРЕМНЕВ Б.Г. Вопрос прояснения: в первой половине фильма ясность достигнута. Что касается второй половины, то там идет болтанка, которую надо устранить. Что касается хроник, то она еще не сложена. Есть здесь некоторая неясность, которую надо устранить. Над хроникой надо думать. Здесь может быть и пафосная пропаганда.

ПАВЛЕНКО Б.В. Не пацифизм, а бессмысленность подвига нашего народа в войне. И так можно читать.

ОРЛОВ Д.К. Я думаю, каких-то вещей мы здесь просто недоговариваем. Принимая стилистику этой картины, ее язык и образы, необходимо внести в эту картину идейную ясность — вот о чем идет речь. Начинаются недоумения с первого кадра-гипноза. Для чего он?

ХУЦИЕВ М.М. Мы пытались это убрать, но это не вышло. Это вводит в стилистику картины. **ОРЛОВ Д.К.** Может быть, в стилистику это и вводит, но есть и другие соображения. От этого кадра до эпизода с автором (со словами: есть совесть, память)... Я не понимаю, как это выжестся с началом. Ну, пусть я понять не могу: она моет голову, валится потолок, уйма таких вещей, мне непонятно, но пусть это остается, это язык режиссера. Хотя мне видится в этом натушность, искусственность, надуманность.

Первая половина, по сравнению с предшествующим вариантом, выстроилась, но с момента хроник (наши оборванцы-солдаты, красавцы-американцы) в картине все начинает брезжить. Взгляд автора на этот эпизод нашей истории очень субъективен, для меня лично неприемлемый.

Эпизод с военруком, с ненормальным, дебилом-военруком прямо монтируется с идущими оборванцами. Если мы залупили этот сценарий, то надо добиваться ясности — смысловой и концепционной. Евангелистские моменты — «кому явился ангел в виде горящего куста?» и другие. У нас церковь отделена от государства, и методы доказательства у нас иные — не евангелистические.

ТАРКОВСКИЙ А.А. Вопрос не только к Павленко и Орлову: откуда такое количество ко мне претензий? Как можно заподозрить во мне такое количество мыслей, которые я хочу протащить в фильме? Откуда такое отношение?

Я не считаю картину такой совершенной. Но и не считаю справедливым, что к ничего с ней не сделал. Это несправедливо.

ПАВЛЕНКО Б.В. Мои претензии не вообще к автору, а к фильму. Может быть, следовало бы сначала похвалить, а потом предъявить претензии. Но мы говорили по существу. Главные требования к фильму не были осуществлены. То, что лучше стал фильм, — это так. Речь не идет о том, чтобы переделывать всю картину, ее стилистику, перекармливать Тарковского под Пушкина. Речь идет о трех вмешательствах в картину. Я говорю о кинокартине, а не о режиссере Тарковском. У меня к нему претензий нет.

СИЗОВ Н.Т. Со всем, что сказали Павленко и Орлов, я целиком согласен. Меня удивляет, почему такое неуважительное, пренебрежительное отношение к нашему мнению? Я в десятый раз прошу: сделайте другую хроникку о Советской армии. Бог с ней, со стилистикой, пусть будет, какая есть. Но показать Красную армию в таком виде — политически неверно. Почему мы видим не тот фильм, который был заявлен в сценарии, а другой? Почему проигнорировали ваш сценарий: о победоносном завершении войны, о судьбе героини, прошедшей через все испытания...

Ничего не изменилось по существу. Ввели только сцену со стратостатом, сократили немного военрука. Но надо его еще сократить, чтобы не дегероизировать военрука после его подвига.

Хроника нуждается в чистке, в перекомпоновке. Надо показать, что победа Советской армии спасла мир, это общеизвестно. Есть и соответствующая хроника.

Я категорически возражаю против вознесенной женщины. Вам это кажется хорошо, но это плохо, так как никто не поймет вашего замысла. Нравится вам это или нет — этого в фильме быть не должно. Надо делать поправки в течение оставшегося времени. Надо взять, товарищи Хуциев и Кремнев, заключение, подписанное мною, и внимательно прочитать по замечаниям. То, что требуется, это предельный идеологический минимум. Не максимум, а элементарные требования. То, что непонятно, где что, бог с ним, то что вываливается за пределы наших требований, должно быть убрано.

Надо, Андрей Арсеньевич, понять ситуацию: если поправки не будут сделаны, картина принята не будет. Надо доводить дело до конца и сделать те минимальные требования, о которых мы здесь говорили. Надо, чтобы к концу той недели, к приезду товарища Ермаша, сделать поправки и показать картину. Если нет, вам придется представлять ее самому.

ПАВЛЕНКО Б.В. А метрах?
СИЗОВ Н.Т. Сколько сейчас? 3100? Как быть с этим? Это вопрос надо решить в Комитете. (...) Надо, Андрей Арсеньевич, при окончательном монтаже думать и о размерах, о судьбе картины, о прокате. Если не выйдет, то об этом придется говорить с товарищем Ермашом. На одну пленку мы пока переводить не будем.

Андрей Арсеньевич, прошу начать работу и до 22-го (до приезда товарища Ермаша) сделать то, о чем мы говорили.

После поправок картину предстояло показать лично товарищу Ермашу. От позиции тогдашнего главначальника советского кино зависело, конечно же, не все, но многое. Сам Ф.Т.Ермаш в уже перестроенные годы оценивал свои впечатления с благоволенным восторгом: «В конце июля 1974 года на студии состоялся первый просмотр «Зеркала». Это был рабочий просмотр еще на двух пленках. Перед нами предстало зрелище необычайное, сотканное из почти неуловимых тончайших нюансов душевных состояний героев на фоне нашей почти уже прошлой жизни. Всех покорила Маргарита Терехова своим трепетным проникновением в хрупкий и мужественный одновременно образ матери. Невиданная до сих пор хроника, особенно измученные войной, но не остававшиеся солдаты, которые тянут плот с орудием по бесконечной жиге лимана. Это была поразительная правда...»

К сожалению, столь трепетные слова Филипп Тимофеевич почему-то не произнес сразу после просмотра вслух, он высказал тогда совсем иное. По крайней мере, сам Тарковский в тот же день сделал в своем дневнике такую применительную запись: «29 июля. Снова начинается стелтакль со сдвигами фильма. В четверг Ермаш не дал разрешения на выпуск фильма: все в нем ему якобы непонятно. Не могли бы вы сделать немного пояснений? Некоторые сцены ему вообще не понравились: «Вырежьте их просто напросто! Зачем они вообще нужны?» И так далее, и тому подобное.

Это была чрезвычайная противная сцена. Как будто Ермаш хотел сыграть плохо заученную роль или исключительным неловко продемонстрировать свою «верность принципам». Как всегда он производил невероятно смешное впечатление — то ли деспота, то ли сверхограниченного человека. В роли Председателя Госкино он являлся собой, конечно, весьма убогую фигуру».

Вот тебе на! Кто же из них — киноначальник или режиссер — оказался честнее? Гадать нет необходимости, ибо сохранилась стенограмма того обсуждения.

ОБСУЖДЕНИЕ

кинокартины «Зеркало» в Генеральной дирекции с участием Комитета (тов. Ермаш и Барабаш)
25.07.74

ЕРМАШ Ф.Т. Что думаешь объединение?
ХУЦИЕВ М.М. Объединение означает, что картина проходила очень сложный и трудный путь, что она в своем ключе, в котором она создавалась, была этому ключу верна. Были места неверные и в работе режиссера и объединения, это выправлялось. Где-то Тарковский сопротивлялся из-за упрямости, где-то из-за того, что присмотрелся, но отнесился он к своей работе крайне добросовестно, и в этой эстетике картина доведена до конца, кроме одного эпизода — эпизода хроник, который до конца не реализован, но уже встал на рельсы.

Последние претензии к кинокартине свелись к трем пунктам:
1) эпизод с военруком;
2) ассоциацией — хроника;
3) эпизод с висящей женщиной.

1) Эпизод с военруком не имел финала, так как дети продолжали шалить, что становилось уже хамством. Этот эпизод, по моему мнению, доведен до конца: виновник смущенно покидает полосу.
2) В хронике — то, что было задумано, что идущие солдаты прошли тяжелый путь, — не все было сделано, не хватало ощущения победы. Сейчас это есть, хотя эпизод не до конца раскрыт.

3) Самым спорным был эпизод с женщиной. Возникли ощущения, что это евангелистический образ. Объединение и режиссер искали путь, как снять эту претензию. Чисто кусково к этому куску у нас были свои претензии, но слово многие считали, что он имеет право на существование.

Я считал раньше и говорил об этом Андрее, что в картине многое было непонятно, но, видя картину от этапа к этапу, считаю (и объединение тоже), что в том замысле в пунктах критики режиссер требования выполнил.

ЕРМАШ Ф.Т. А что скажет главный редактор?

НЕХОРОШЕВ Л.А. Действительно, вопрос тут сложный. Я считаю, что вся проведенная работа пошла картине на пользу. Она стала яснее, строение, понятие, ушли ненужные вымыслы. Но, конечно, она не является той картинкой, которая легко воспринимается в своей идее и существе. И боюсь, этого уже нельзя изменить.

Мы встречаемся здесь с исключительным явлением. Где-то это проба новых путей изображения. Мне в этой картине понятно все, очевидно, потому, что посмотрел раз десять, но при первом просмотре она может быть непонятна. Эта картина, очевидно, рассчитана не на многих зрителей. Сравните с какой-либо симфонией Баха. Она строится не по законам драматургии или прозы, а кинематографических образов, метафор, ассоциаций.

Я чувствую здесь три слоя: воспоминания, современность, сон. Очень сложный, может быть, даже чересчур усложненный ход. Может быть, какие-то вещи в переходах за кадром голосом можно и сделать, это поможет разобраться в смысле картины. Если это возможно, надо бы сделать.

О спорных моментах. Что касается эпизода с военруком, то он стал значительно яснее. Есть акцентированная вина мальчика и так далее. И то, что на мальчике идет хроника с нашими солдатами, что такой военрук, по слову самому внутреннему ходу верно.

Хроника еще до конца не смонтирована, но ясно, что идет сравнение двух образов: благородных рыцарей и разбойников. Но, очевидно, это еще не точно смонтировано. Мельком проходящие кадры победы не введены еще в образный ход, носят характер информативный, отписочный.

Что касается финала, то мне здесь тоже все понятно.

Что касается висящей женщины, то человека, еще не привыкшего к ней, она может шокировать, но сейчас текст разъясняет ее, исключая разночтения, вводит ее в русло любви и тому подобно.

Что можно было бы сделать еще в картине:
1) подсократить; 2) прояснить переходы от действительности к снам.

СИЗОВ Н.Т. Андрей Арсеньевич все-таки при всем своем железном, упорном характере провел очень большую работу над картиной. Думаю, что многие спорные вопросы, которые у нас возникли, он решил.

Что касается военрука, он сделал все, что касается военрука, что можно было, пользуясь существующим изобразительным рядом. Другого сделать уже нельзя. Хотя, может быть, можно было еще посмотреть, подсократить моменты с военруком, негативные. Филипп Тимофеевич, вы должны нас поддержать и принять картину с монтажными поправками.

Что касается хроник, то мне только кажется, что после того, как очень коротко, пунктирно дан эпизод победы, давать снова идущих по грязи — это смешение. Надо давать победу где-то в середине. Мне кажется, что хронологически это точнее надо выстроить. И я бы все-таки хотел, чтобы тема нашей победы была все-таки расширена. Очевидно, не хватило хроник...

Я и сейчас считаю, что эпизод с женщиной не то чтобы лишний, но я бы его, с точки зрения зрительской, не давал. Хотя текст снимает возможность религиозной трактовки. Мне кажется, что если бы этого эпизода не было, картина бы стала яснее.

Что касается того, кто и как поймет картину, то мне кажется, что будут самые разнообразные мнения. Во всяком случае, работа продана очень бо-льшая.

Я считаю, Филипп Тимофеевич, что картина может быть принята, а все монтажные поправки, ваши замечания можно будет сделать на этапе изготовления исходных материалов.

ЕРМАШ Ф.Т. К сожалению, я должен сказать, что Андрей Арсеньевич не выполнил своих обещаний, которые он давал, начиная делать эту картину. Это другое произведение.

Я принял картину не могу в этом виде. Я прошу студию представить соображения, решить, что надо сделать при изготовлении исходных материалов. Мы рассмотрим и дадим монтажные поправки.

Переснимать, очевидно, не надо. Обсуждать тоже не надо. Очень много уже было обсуждений. Произведение в таком виде вызовет только неприятие. Работа над фильмом должна быть проведена только с точки зрения логичности прояснения смысла вещи. Это вполне возможно.

1) Вот я не понимаю, если говорить по существу, начала, которое идет перед титрами, зачем это нужно (логлед).

2) Испания. Очень сделано тоскливо. Но надо подумать. Хорошие эпизоды хроник, но стратостат ни к чему. Должна быть ясность мысли.

3) Письмо Пушкина требует уточнения. Не все надо читать.

4) Военрук. Я несогласен, что тут все есть. Все-таки неуважительное отношение ребят к женщине. Он не вызывает никаких симпатий. Долдон, ограниченный. Зачем надо изображать такое издевательское отношение ребят к нему? Это надо прояснить и сократить.

5) Хроника. Я не вижу здесь логики. Почему она начинается с победы? Вы ее выстроите так, чтобы было понятно, что за война. В заявке вы писали по-другому. Здесь все смешалось воедино. В общем, это не то, что нам нужно. Этот хроникальный эпизод требует логического построения. Меня не смущает, что они идут в грязь. Это трудное время, мужественные люди. Но аллопм построения картины чрезмерен (сначала победа, потом пропалка сержант). Эстетически дважды капает молоко — деталь, непонятно зачем она нужна.

6) Что касается висящей в воздухе женщины, то я не вижу в ней необходимости. Хотя словами ее объясняют, но это символика... бесперспективная... Жизнь, прожитая трудно и и напрасно... Какая-то логика и смысл жизни матери и сына должны быть. Надо хотя бы текстом исправить, сказать, что они жизнь неодолю прожили.

7) Не надо делать таких больших намеков

(типография. Ой, какое собрание сочинений!). Дело не в том, какое издание, а в честности героини, ее совести. Сейчас зритель ассоциативно думает, что наступает период культа личности и что сейчас ее засадят.

Я вижу, Николай Трофимович, что при желании это можно сделать при изготовлении исходных материалов, путем чисто монтажных поправок.

Андрей Арсеньевич должен написать свои соображения, что он делает по картине, и привести в Комитет.

Речь все время идет об одном и том же. Это необходимо сделать. Я не думаю, что это поверкает ткань произведения до такой степени, что нарушает логику художника, но ее же нет. И надо хотя бы элементарное понимание. По существу, отснятый материал приведен в какую-то форму, но наши просьбы остались благими пожеланиями. (...)

Я не возражаю против этой хроник, она придаст фильму более глубокий смысл, общее звучание, так как картина сугубо индивидуальна по своей манере, логике. Я не говорю, что будут путать, где жена, где мать, где Алексей, где Игнат, — такая уж зашифрованность. Такая зашифрованность в картине, прямо скажем, излишняя.

В отличие от прошлых ваших картин — эта сплошной ребус. В других картинах все было ясно, не трояга вопрос концепционный и прочее.

Это вполне возможно, это не нарушает ткань и художественный прием, имеющийся в картине. Мы же имеем право потребовать прояснить замысел фильма, ведь что-то же было в сценарии.

СИЗОВ Н.Т. (...) Надо, чтобы Андрей Арсеньевич вместе с творческим объединением сформулировал свои соображения завтра, пока банк не закрыл счет.

ЕРМАШ предлагает встретиться завтра же после работы.

СИЗОВ Н.Т. Эти предложения должны быть сформулированы самим режиссером.

ЕРМАШ Ф.Т. Режиссер — человек серьезный, серьезно относится к этим вещам и потом поймет, что это ему на пользу.

КРЕМНЕВ Б.Г. Что требуется купить в письме Пушкина?

ЕРМАШ Ф.Т. В отношении верности и служения царю (предан царю, христиане и другие).

ХУЦИЕВ М.М. Категорично ли стоит вопрос об изыятии женщины?

ЕРМАШ Ф.Т. У вас у самих же нет уверенности.

ХУЦИЕВ М.М. Может быть, раньше начать текст?

(Спор: летит или висит.)

СИЗОВ Н.Т. Эти восемь пунктов, перечисленных выше, надо все обдумать и внести поправки.

ЕРМАШ Ф.Т. Я не говорил об этом, но в картине очень много мест, где непонятно, не сразу понятно, что это сон (валится штукатурка), ребусов очень много, но какие-то вещи, проясняющие социальный, общественный смысл фильма, обязательны.

В финале рано кончается музыка, провал. Не надо делать этот пустой кусок без музыки, надо ее продлить. И там, где поют Баха (в сцене отца с детьми), это сделано неудачно. Исходя из того, что вся музыка в фильме исходит из религиозной музыки Баха, то это придает картине в целом мистический характер, не по-советски звучит.

ТАРКОВСКИЙ А.А. Я к этому отношусь, как к лучшей музыке, которая когда-либо была написана. Я против музыки, специально написанной для кино, существует прекрасное классическое наследие.

ЕРМАШ Ф.Т. В «Солярисе» такая музыка была более логична.

ТАРКОВСКИЙ А.А. Конкретный вопрос в связи с поправками относительно расширения социального аспекта картины. Я решил расширить военную хроникку — не во времени, это утяжелило бы картину, а таким образом, чтобы личность этого солдата соединила те и другие, прошлые и наши времена. Нести лишения во имя победы, во имя смысла существования нашей армии. Они идут и идут, перешагнули чужей атомную бомбу, Вьетнам и сдерживают возможность новых дней. Что значит этот солдат для нас? Это важный нравственный вопрос, отношение к нему сегодня.

ЕРМАШ Ф.Т. Я за хронологию, но категорически возражаю против того, чтобы выставлять сюда Вьетнам, Ближний Восток, Китай. Это должно быть в другом месте. Не надо вытаскивать все в кусок, где война.

ХУЦИЕВ М.М. Меня смущает здесь то, что сейчас конкретно не получился у Андрея его замысел, хроника пока не смонтировалась. Как только разберется картина, все ушли пропадут напрасно, астафеты солдата не будут. Сейчас это смонтировано неверно. Раньше не было кадров победы, не было ощущения, что впереди победа, а потом уже пошло все другое.

ЕРМАШ Ф.Т. Вместе (война и после) этого делать нельзя. Надо разбить.

Вот какие неутешительные выводы: «Бах звучит не по-советски». Можно, конечно, предположить, что Ермаш погорячился сразу после

ле просмотра (с кем ни бывает), потом посыл и как-то скорректировал свою позицию, сделал ее более терпимой. Если бы! После обсуждения картины получили из киномонтажной официальной заключение. В нем значилось десять пунктов (бывало и более сорока), но достаточно было выполнить хотя бы парочку замечаний, чтобы полностью разрушить картину. В выше цитированном произведении Ермаша «Он был художник» предпринята попытка показать, что он-де лично к этому уникальному документу отношения не имеет: «Сценарная коллегия, — пишет Ермаш, — послала на студию свои замечания...» Что правда, то правда. Документ подписан Э.Барабаш, заместителем главного редактора Госкино. Но неужто все-таки можно допустить, что у председателя Госкино было о «Зеркале» одно мнение, а его подчиненные, не посчитавшись с ним, дерзнули идти наперекор? Да еще в столь вызывающей форме. Даже если допустить такую возможность, то достаточно учиться в них-же, руководящих документах. В нем сказано, что требования о поправках предъявляются от имени руководства Госкино.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посмотрев фильм режиссера А.Тарковского «Зеркало» («Белый, белый день»), Госкино СССР считает необходимым высказать следующие соображения.

Сложная форма образной конструкции произведения, многоступенчатая конструкция сюжетных связей требует, прежде всего, логического прояснения авторской мысли и действия фильма в целом. С нашей точки зрения, для более четкого выявления смысла картины нужно обратить особое внимание на реконструкцию и исправление ряда сцен и эпизодов.

1) Вступительный эпизод с логопедом следует изъять.

2) Требуется доработка эпизод с военруком. Неуважительное отношение ребят к солдату, излишнее педальирование его дефектов можно убрать как за счет монтажных сокращений, так и путем перетонировки.